

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОТ УЧЕНИЯ О ДОВОДСТВЕ ЧЕРЕЗ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ К ЭКОНОМИКС¹

А. И. Татаркин

В статье исследована историческая последовательность формирования и развития экономической науки как обособившейся отрасли научного знания и привлекающей все больший интерес к учебной дисциплине. Раскрыты особенности формирования объекта и предмета экономической теории, показаны возможные направления расширения предметного поля экономической теории, в том числе и за счет «согласования» двух взаимоисключающих направлений развития экономической теории — политической экономии и экономикс.

«Современное возвращение к политической экономии — трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысления многих стереотипов массового сознания. Без учета всех изменений, причем не количественных, а качественных, нереально говорить о сегодняшнем и завтрашнем дне политической экономии».

Л. И. Абалкин. Взгляд в завтрашний день [1, с. 113]

О современном состоянии экономической науки как отрасли знания

Редакцией «Журнала экономической теории» в 2013 г. (№ 2) было проведено публичное обсуждение состояния экономической теории и приоритетных направлений повышения качества подготовки специалистов по экономике для народного хозяйства Российской Федерации. Обсуждение было приурочено к очередному, ставшему уже традиционным, 6-му Общероссийскому Симпозиуму с международным участием по проблемам экономической теории и ее преподаванию в российских вузах. В обсуждении приняло участие около 50 ученых академических и вузовских коллективов практически из всех регионов Российской Федерации. Общее направление обсуждения предложил Александр Дмитриевич Некипелов, академик, вице-президент РАН, статьей «Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего». Была также представлена проблемная статья заместителя директора Института экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев) члена-корреспондента НАН Андрея Андреевича Гриценко

«Политическая экономия в ретроспективе и перспективе» и другие заслуживающие внимание статьи.

Основной мотив издания тематического номера журнала объясняется возрастающей дискуссией среди ученых-экономистов по поводу места политической экономии в системе экономических наук и ее «административному удалению» из всех планов научных исследований и учебно-методических программ с заменой на весьма сомнительную экономикс. Далеко не все представители отечественной и мировой экономической науки разделяют подобные административные решения, обосновывая свою позицию с трибун научных форумов, симпозиумов, конференций и семинаров, на страницах научных и научно-методических журналов.

Процесс «реабилитации» политической экономии как отрасли экономической науки и самостоятельной учебной дисциплины продолжается давно и на разных уровнях. Представители российской политэкономической школы активно обсуждают эту проблему на страницах «Российского экономического журнала» (1994–1999, 2004–2011 гг.), до начала 90-х издаваемого под названием «Экономические науки». В меньшей степени обращаются к этой проблематике такие популярные журналы, как «Вопросы экономики»,

¹ Статья подготовлена на средства программы фундаментальных научных исследований УрО РАН на 2014 г. № 12-П-7-1001 «Новые инструменты и методы прогнозирования инновационно-технического развития региона».

«Общество и экономика», «Экономист» (ранее — «Плановое хозяйство»), «Экономическая наука современной России», «Журнал экономической теории», «Журнал новой экономической ассоциации», «Мир перемен», Вестники ведущих российских университетов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского университета) и другие печатные издания. На их страницах продолжается обсуждение актуальных проблем экономической науки и повышения качества преподавания экономической теории, с активным использованием для этого научных подходов, исследовательских традиций и теоретико-методологических наработок политической экономии в части предметного поля экономической теории.

Возрастающее внимание к проблемам политической экономии как самостоятельной отрасли научного знания и базовой учебной дисциплины по теории рыночного (и не только) хозяйства проявляют и международные научные сообщества. Только в 2012 г. организовано и проведено два международных научных форума по проблемам политической экономии. В апреле 2012 г. в Москве состоялся первый политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии, организованный международной политэкономической ассоциацией, Отделением общественных наук РАН, Институтом экономики РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и др. В работе конгресса приняло участие более 500 научных работников и преподавателей вузов из 40 регионов России и 30 зарубежных стран.

В июле того же года в г. Париже на площадке Университета Сорбонна состоялась представительная конференция — «Политическая экономия и взгляд на капитализм». Организаторами конференции выступили международная организация «Международная инициатива по развитию политической экономии» (*International initiative for Promoting Political Economy — PPE*), объединившая противников монополии неоллиберализма в экономической теории в группу «неоклассической ортодоксии», совместно с Гетородоксальной экономической ассоциацией (АНЕ) и Французской политэкономической ассоциацией (FAPE). В работе конференции приняли участие более 800 представителей из 50 стран, 9 участников представляли РФ. Также в июле 2012 г. в г. Екатеринбурге под эгидой Отделения общественных наук РАН, Уральского отделения РАН и Института экономики УрО РАН проведен очередной, пятый по счету симпозиум по проблемам экономической теории, темой обсуждения на котором стали проблемы политэкономического исследова-

ния сущности и закономерностей трансформации национальных экономических систем в условиях глобализации и интеграции в региональные межнациональные сообщества. Более 200 участников, в том числе из стран СНГ, единодушно поддержали идею «восстановления в правах» политической экономии и как отрасли научного знания, и как важнейшей в условиях рыночного хозяйствования учебной дисциплины, имеющей свои объект и предмет исследования и изучения.

В 2013 и 2014 гг. научная активность в части политэкономических исследований происходящих в глобализирующемся мире процессов не снизилась — был подготовлен целый ряд конкретных рекомендаций к руководству страны и федеральным функциональным органам. 26–27 марта 2014 г. прошел 2-й Московский экономический форум, организованный учеными МГУ им. М.В. Ломоносова и Института экономики РАН с привлечением целого ряда соучредителей. Его участники обсуждали проблемы, обусловленные мировыми тенденциями, и особенности их проявления в российской реальности. По мнению большинства участников, Российская Федерация обладает вполне достаточным потенциалом для динамичного долгосрочного развития. Чего не хватает для последовательной реализации имеющегося потенциала и выхода на траекторию динамичного развития, так это разумной экономической политики и мотивирующих динамичное общественное развитие государственных регуляторов. В лихие 90-е годы российское население «заманили в рыночные сети» обещаниями всемогущества «невидимой руки рынка», особенно в части национального и индивидуального благосостояния. В реальности «невидимая рука» оказалась не такой уж и щедрой не только к российской экономике в целом, но и к большей части российского населения.

Именно поэтому участники Форума связывают судьбу Российской Федерации, благосостояние ее населения не с сырьевым будущим, а с формированием высокоэффективной смешанной экономики, созданием высокотехнологичных товаров отечественного производства с высокой долей добавленной стоимости. Рекомендации Форума опубликованы в различных изданиях и активно обсуждаются на разных уровнях (см.: Московский экономический форум — 2014. Тезисы к обсуждению. Выступления участников // «Мир перемен», 2014, №1, с. 7-163; Московский экономический форум. Реиндустриализация в мире. Новая промышленная политика против фи-

нансовых спекуляций и экономического застоя. Материалы заседания первой Пленарной дискуссии // «Мир перемен», 2014, № 2, с. 8-30).

24–26 июня 2014 г. в Екатеринбурге прошел седьмой Симпозиум по экономической теории. Симпозиум был организован Секцией экономики Отделения общественных наук РАН, Уральским отделением РАН, Институтом экономики УрО РАН, Центральным экономико-математическим институтом РАН, Институтом экономики РАН, Уральским федеральным университетом имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Уральским государственным экономическим университетом, Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом при информационной поддержке «Журнала экономической теории» и журнала «Экономическая наука современной России».

Дискуссии и обсуждения велись по двум основным направлениям: регулирующий потенциал существующих моделей социально-экономического развития и тенденции развития современной экономической теории и методологии исследования социально-экономических процессов. Учитывая современные потребности общественного развития в быстро меняющемся мире, участники симпозиума согласились с участниками названных выше научных конференций и форумов в том, что общая экономическая теория переживает серьезный кризис, и поддержали предложенные теоретико-методологические и организационно-практические меры по его преодолению в российской практике. В части организационно-практических мер предлагается, с одной стороны, инновационно модернизировать экономику с приоритетным развитием промышленности, производственной и социальной инфраструктуры, повышать уровень жизни всего российского населения, с другой — активнее внедрять в российскую практику модель смешанной экономики, основанную на интеграции государственных плановых регуляторов макроэкономических процессов с рыночным саморегулированием микропроцессов [29, с. 5; 41, с. 24-27; 47, с. 229-302], что неизбежно расширит предметное поле общей экономической теории.

Расширение предметного поля политической экономики и общей экономической теории в целом, на наш взгляд, может осуществляться и на деле осуществляется по трем магистральным направлениям.

1. Ускоренное развитие процессов глобализации и интеграции производства и экономической жизнедеятельности национальных

систем путем создания транснациональных и международных компаний неизбежно приводит к определенной трансформации отношений между трудом и капиталом. В большей степени обеспечивается выравнивание условий труда и его оплаты при повышении требований к его интенсивности, производительности и качеству. Усиливается значение международных организаций, таких как МОТ (Международная организация труда), Международная ассоциация профсоюза наемных работников и другие, которые не только обсуждают, но и иницируют реализацию отдельных рекомендаций по улучшению условий труда и его оплаты отдельным категориям наемных работников. Активно распространяется практика мотивации инновационного и новаторского труда работников участием последних в распределении дополнительной прибыли компаний, поощрением новаторов акциями от дополнительной их эмиссии и другими формами стимулирования производительного труда работников.

2. Бурное развитие науки и активное внедрение ее результатов в производство неизбежно меняют содержание большинства видов труда, особенно в новых и приоритетных отраслях экономики (нано-, био-, информтехнологии, космические и атомные производства и др.). Принципиально меняется весь технологический и производственный процесс, а труд становится изначально инновационно и технологически сложным, требующим постоянного обновления и повышения уровня знаний как индивидуального, так и (что становится более важным) коллективно согласованного труда работников смены, подразделения, компании в целом. Именно согласованный по всей технологической цепочке коллективный труд работников способен, по мнению большинства специалистов, обеспечивать последовательную инновационность производственного процесса и его высокую рыночную и общественную результативность. Иллюстрацией сказанному может быть сравнение 10 работников американских и японских промышленных предприятий. Каждый американский работник более производительный, чем японский, а коллективно — японские работники более производительны, поскольку коллективный их труд и коллективная ответственность за конечные результаты труда делают их труд более производительным и... конкурентоспособным.

3. Набирающая обороты «социализация» трудовых и производственных процессов под воздействием активного развития НБИК-технологий выдвигает на ключевую роль че-

ловеческий фактор. НБИК — это совокупность прорывных нано-, био-, информ- и когнитивных технологий, составляющих ядро нового технологического уклада. Считается, что технологический уклад начал функционировать, если национальной экономике удалось освоить примерно 5 % потенциала новых базисных технологий. В настоящее время лишь три страны уверенно переступили указанный порог. США освоили около 8–9 % новых базисных технологий, Япония и Германия — перешагнули 5-процентный рубеж. Остальные страны мирового сообщества лишь начали осваивать технологии 5-го технологического уклада. Среди особенностей НБИК-технологий обычно называют их высокую конвергентность и обусловленный этим возрастающий синергетический эффект от их производительного использования [2, с. 15–17].

Но не только названные особенности НБИК-технологий отличают их от предшествующих стадий технологического развития. Принципиальной их особенностью становится соединение в едином производственном процессе носителей научных идей, высококлассных специалистов производства и потребителей нового товара. Сложность труда перечисленных участников и высокая общественная востребованность перехода на новый технологический уклад превращают эти процессы в социально и общественно значимые сферы деятельности, которые во многом нейтрализуют процессы эксплуатации развитием сотрудничества и коллективистских начал при распределении доходов [41, с. 15–17]. Но они одновременно расширяют границы предметного поля экономической теории.

О терминологии, предмете и объекте исследования экономической теории

Определить содержание «economics», используя лишь российский перевод, достаточно сложно, поскольку понятие «экономика» в российском понимании достаточно перегружено и имеет множество значений. Экономикой принято называть всю финансово-хозяйственную систему. Привычным для россиянина стало выражение «темпы развития экономики», под которым понимается одновременно и материальное производство, народное хозяйство, и товарообразующая система. Хотя «economics» в переводе с английского — экономика или экономическая система.

В соответствии с бытующим в науке и на практике представлением, экономика есть нечто целое, свободно делящееся на отдельные

части без утраты определенности. К примеру, мировая экономика включает национальные экономические процессы. На разных уровнях (в научных исследованиях, учебном процессе, нормативных правовых актах) свободно используются такие разносодержательные понятия, как «национальная экономика», «отраслевая экономика», «региональная экономика», «экономика поселения» и мн. др.

На предприятиях, даже индивидуальных, в торговых комплексах и банках формируется своя собственная экономика (экономика рыночного агента) со своими экономическими и учетными службами, специалистами-экономистами. В вузах обучение студентов экономики ведется по нескольким направлениям. Преподается экономическая теория в основном в рамках программы экономикс, в зависимости от специализации изучаются экономика машиностроения, сельского хозяйства, строительства, экономика труда и др.

Универсальность понятия «экономика» видится и в том, что оно органично сочетается с другими понятиями и определениями — «макроэкономика», «микроэкономика», «мезоэкономика», чего нет в других сферах интеллектуальной деятельности. Нет, к примеру, микро-, макро- и мезофизики. Есть единая наука физика, которая изучает единый мир от макро до микро-. Нет подобного сочетания и в химии, биологии, медицине, философии и педагогике. Есть в России уникальная и востребованная газета — «Экономика и жизнь», название которой побуждает считать экономику не жизнью, а чем-то иным, о чем газета умалчивает.

До сих пор продолжает существовать никем не опровергнутое убеждение, что экономика функционирует в разных концентрациях и ипостасях. В самом начале ее появления и изучения она рассматривалась, да и продолжает исследоваться, как обычное домоводство [16]. В наиболее концентрированном виде экономика, по оценкам В.И. Ленина, превращается в политику. Его классическое определение политики «как концентрированного выражения экономики» до сих пор сохраняет свою научную актуальность и практическую востребованность [20, с. 14–21; 34, с. 234–235]. В сфере функционирования экономики сформировалось и активно развивается такое исследовательское и образовательное направление, как «economics» (экономикс), название которого, по мнению ряда специалистов, следовало бы транслитерировать как «икономикс» [44, с. 7].

По некоторым оценкам, политическую экономию и экономикс разделяет методоло-

гия их исследования. «Первая, — по мнению Е.П. Дятела, — опирается на котинентальную философию, предполагающую исследование сущности экономических явлений, вторая на аналитическую философию, ставящую во главу угла функциональную взаимосвязь свойств изучаемого объекта» [12, с. 74]. Споры нет, подобное различие существует, и очень важно его учитывать при выделении разных направлений экономической науки. Но следует согласиться и с тем, что разная методология исследования — не повод для их замены или подмены.

Традиционно экономикс как новое направление экономической науки связывают с Альфредом Маршаллом, который в наиболее концентрированном и системном виде изложил то, о чем раньше писали многие представители маржиналистского направления в экономической науке. Одну из первых попыток поделить политическую экономию на теоретическую и прикладную части предпринял Дж. С. Милль в работе со специфическим названием — «Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии» [24, с. 990-1011]. Развивая эту идею, Л. Вальрас своей работе «Элементы чистой политической экономии» [6], по существу, завершил переход экономической науки в новое качественное состояние — маржинализм. Термин «экономикс» в трудах автора экономической теории с аналогичным названием Альфреда Маршалла использован в виде научного неологизма [22, с. 59]. Экономикс, по Маршаллу, не обычная экономика (*economy*), не политическая экономия (*political economy*), не экономическая теория (*economic theory*) и не экономическая наука (*economic science*), а нечто иное.

Автор этого экономического нововведения А. Маршалл ввел его в научный оборот для определения результата соединения политической экономии и математики. Соединение политической экономии с математикой, по мнению автора, позволило не только сформировать новое научное направление, но и создать новое качество экономики и экономической науки, которая должна стать чисто прикладной, а не одновременно и наукой, и искусством. Вот почему ее лучше обозначить широким термином экономическая наука (*economics*), чем более узким термином политическая экономия (*political economy*) [22, с. 92]. Данный посыл известного ученого-экономиста был положительно воспринят ученым сообществом того времени еще и потому, что соединение гуманитарных наук с математикой на рубеже XIX–

XX вв. было не только потребностью научного познания, но и нарастающей математической модой.

В своей работе «Альфред Маршалл, 1842–1924» [22, с. 11-43] Дж. М. Кейнс не только дал развернутую биографию А. Маршалла, но и обстоятельно изложил его научные пристрастия и интересы. По утверждению Кейнса, когда А. Маршалл начинал свою научную деятельность, идея применения математических методов и моделей в экономических исследованиях активно обсуждалась, и делались попытки их использования для моделирования отдельных экономических процессов. Кейнс приводит неоднократные признания А. Маршалла о том, какое влияние оказала на его научный интерес книга Курно «Математические принципы теории богатства» (1838 г.). Дж. М. Кейнс рассматривал этот интерес Маршалла в качестве естественной реакции кембриджского математика, коим изначально был Маршалл, на работы Д. Рикардо, а также, что вполне вероятно, на отдельные попытки алгебраического толкования арифметических примеров Дж. С. Милля в части интернациональных стоимостей. Все названные и некоторые другие попытки отдельных авторов придать экономическим исследованиям математическую форму вынужден был осмыслить, по мнению Дж. М. Кейнса, А. Маршалл, чтобы решиться на введение в научный оборот понятия «экономикс».

Отдельные исследователи, разделяя позицию А. Маршалла в части приоритетного использования понятия «экономикс» вместо понятия «политическая экономия», соглашались с большей ее направленностью на решение практических проблем и отказ от политической направленности экономических исследований. «Маржиналистская революция» 70-х гг. XIX в. окончательно разделила политическую экономию на две части: позитивную науку, устанавливающую и исследующую закономерности экономического развития общества, и нормативное искусство, призванное формулировать «практические правила действия и поведения» для всех участников рыночных отношений.

Отдельные авторы [3, с. 5-17; 17, с. 17-20; 23, с. 39-46] ставят вопрос о целесообразности политико-экономической науки как самостоятельной отрасли научного знания и учебной дисциплины. Предлагается отказаться от нее из-за «способности рынка к саморазвитию» и утраты «политического» характера экономических исследований либо использовать в научных исследованиях и учебном процессе ис-

ключительно как раздел экономики [23, с. 42, 43, 44-46].

По авторитетному мнению большинства современных специалистов, победоносный триумф нового экономического мейнстрима над другими направлениями политико-экономической науки обеспечили «универсальность метода и инструментов анализа» при возросшей возможности формализации экономических исследований на более универсальной основе — «единого языка — предельного анализа» [15, с. 185]. При названных плюсах экономикс международное торжество маржиналистского направления по превращению политической экономии в общеполитический раздел экономикс — беспристрастную и «чистую науку» — одной рукой освободило экономическую науку от каких-либо общественных обязательств и оценок деятельности участников рыночных отношений, и особенно государства, от качественного и результативного регулирования рыночных процессов в нужном обществу направлении [42, с. 7-20]. Другой — сформировались условия для «десоциализации и деисторизации» экономической науки, выразившиеся в реальном «отдалении экономики от других социальных наук» [49, с. 1].

Подобные предложения о пересмотре «статуса политической экономии» как теоретико-методологической основы для всех других экономических наук, как известно, формируются не на пустом месте. Нами уже назывались две причины повторяющихся нападков на политическую экономию [41, с. 18-20].

Первая основана на состоянии «современной западной экономической мысли, где «мейнстрим» занимает столь доминирующую позицию, что направления, следующие традициям классической политической экономии, малозаметны и их называют «ортодоксальной» или «радикальной» политической экономией, но они, тем не менее, живут и развиваются» [23, с. 45]. А поскольку подражать и догонять россияне всегда были склонны, то в данном случае не обошлось без «заимствований», которые используются далеко не всегда в интересах общественного развития [19, с. 5].

Вторая — близка первой и основана на учении К. Маркса об исторической ограниченности капиталистической стадии развития рыночной системы хозяйствования, а вместе с ней и политической экономии как научного и учебного направления, изучающего капиталистический способ производства и эксплуатации. Отправной точкой подобного объяснения стало, как нам представляется, ошибочное тол-

кование утверждения К. Маркса об «исторической ограниченности» закона прибавочной стоимости. Главной заслугой К. Маркса было и остается не доказательство самого факта эксплуатации, а открытие и обоснование закона прибавочной стоимости как «экономического закона движения и развития исключительно буржуазного общества». Из этого тезиса неизбежно следовало утверждение об исторической ограниченности капиталистического способа производства и капиталистической стадии рыночной системы хозяйствования как «носителей» отношений эксплуатации и их замене более цивилизованными системами.

В литературе называются и другие причины настойчивого «выдворения политической экономии с главной научной сцены» фундаментальных научных исследований закономерностей формирования, становления и развития национальных экономик под воздействием внутренних и внешних процессов. В частности, А.А. Мальцев критически оценивает пять ключевых особенностей маржиналистской теории, которые составляют ее теоретико-методологическое ядро [20, с. 84-89]. В перечне критикуемых положений — превращение «экономики знаний из деструктивно-нормативной в чисто позитивную науку, сделавшее ее принципиально независимой от какой-либо этической позиции или нормативно-предписывающих суждений» [20, с. 84]; использование индивидуализма в качестве ключевого принципа нового неоклассического учения позволило все общественно-экономические явления и процессы объяснять и оценивать исключительно поведением атомизированных индивидов (что отличается от подхода классической школы о несводимости общественных интересов к эгоистическим потребностям отдельных людей); используемый маржиналистами гносеологический аппарат базировался на «неизменном свойстве» любого человеческого общества «увеличивать сумму всех удовольствий... и получение максимального наслаждения» [20, с. 86]; сердцевиной неоклассического учения стала теория предельной полезности как альтернатива трудовой стоимости, «базирующаяся на субъективной оценке хозяйствующим субъектом полезности каждой дополнительной единицы потребляемого блага» [20, с. 88]; предметом исследования маржиналистского учения стало не исследование закономерностей формирования, становления и развития национальных экономических систем, и даже не система отношений между участниками в процессе воспроизводства товаров, а не суще-

ствующий в реальности «человек экономический» (*homo economicus*), который постоянно «стремится к наибольшей выгоде с наименьшими издержками» [20, с. 87]. Именно предметные особенности политической экономии и экономикс, на наш взгляд, и являются яблоком раздора между классическим и маржиналистским направлениями экономической науки вот уже почти полтора столетия.

Продолжающиеся споры о предмете экономической науки, попытки разделить его на несколько самостоятельных частей, органично не связанных и часто противоречащих друг другу, неизбежно затягивают ее кризисное состояние. «Если бы с предметом было бы все в порядке, — утверждает Дж. К. Гелбрейт, — мы бы не страдали от стольких нерешенных и неожиданных проблем... Экономисты могут расширить свою систему... заставить ее охватывать во всех проявлениях власть, которую они в настоящее время маскируют... Их внутренняя жизнь будет менее пассивной. Может возникнуть бурная реакция со стороны тех, чья власть теперь разоблачается и подвергается анализу, и со стороны тех, кто находит большее удобство лишь в том, что экономисты преподают и обсуждают ложные проблемы или не занимаются никакими проблемами вообще» [8, с. 609, 610].

Предмет научного исследования политической экономии и *economicus*

Предложение маржиналистов использовать в качестве предмета экономической науки «человека экономического» значительно обострило противостояние между разными ее направлениями и превратило предмет исследования в один из самых обсуждаемых и дискуссионных вопросов экономической науки. К. Маркс, как известно, предметом политической экономии считал производственные отношения, которые возникают между участниками в процессе производства, распределения, обмена и потребления. На этом формировалась вся его политико-экономическая теория эксплуатации труда капиталом и историческая ограниченность капиталистического способа производства [26, с. 7-9; 38; 48, с. 31].

Принципиально иное определение предмета экономического исследования дает А. Маршалл, утверждая, что экономическую науку «надлежит охарактеризовать как науку, исследующую экономические аспекты и условия политической, общественной и личной жизни человека, но особенно его общественной жизни. В задачи экономической науки вхо-

дит получение знания для самой себя и выработка руководства к поведению в практической жизни, прежде всего в общественной. Нужда в таком руководстве никогда не была столь настоятельной, как теперь; у последующего поколения может оказаться больше, чем у нас, свободного времени для исследований, проливающих свет на еще неведомое в абстрактном мышлении или в истории прошлого, но непосредственно не способствующих разрешению современных трудностей» [22, с. 91]. Придание автором понятию «экономикс» большей практической направленности, чем это характерно для политэкономических исследований, позволяет, по мнению Дж. М. Кейнса, повысить роль экономической науки в принятии и реализации оптимальных для общества решений в интересах развития и поддержания общественного согласия в стране [22, с. 24-42].

Современные же работы по экономикс в большей степени отличает возрастающее теоретизирование. Если же в исследованиях активно используются математика и статистика, то это уже другое научное направление — эконометрия. Сложно не согласиться с тем, что предлагаемая комбинация — «политическая экономия + математика» — далека от определения предмета экономикс.

Одно из первых определений предмета экономикс было дано лордом Л. Роббинсом, который сводил его к изучению «человеческого поведения с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [441, с. 8]. Последователи Л. Роббинса конкретизировали это определение, сведя предмет экономикс к изучению того, «каким образом общество с ограниченными дефицитными ресурсами решает, что, как и для кого производить» [55, с. 1-2]. «Предмет экономикс, — читаем в учебнике К. Макконелла и С. Брю, — поиск эффективного использования редких ресурсов в производстве товаров и услуг для удовлетворения материальных потребностей» [19, с. 97]. Особая позиция в определении предмета экономикс у П. Самуэльсона и В. Нордхауса, которые рассматривают экономикс как органическое объединение двух направлений экономической науки: макро- и микроэкономики. «Экономикс, — по их определению, — это наука о том, как общество использует ограниченные ресурсы для производства ценных товаров и распределяет их между различными группами населения... Большое различие существует между макроэкономикой, которая изучает функционирование экономики в целом, и

микроэкономикой, которая анализирует поведение отдельных компонентов, таких как промышленность, фирмы и хаусхолды» [51, с. 5].

В литературе уже отмечалось, что авторы данного определения сформулировали достаточно уязвимую предметную конструкцию, ибо две науки (даже два научных направления науки), объединенные одним названием, по логике не могут иметь единого предмета исследования. В противном случае их объединяет не название, а суть [44, с. 9]. Но сам факт признания деления экономикс на несколько самостоятельных направлений исследования, по оценкам специалистов, весьма примечателен и симптоматичен хотя бы потому, что в самой трактовке сути экономикс как практического пособия по общественному распределению редкостных ресурсов имеется солидная доля лукавства. Для подобного вывода есть как минимум три аргумента.

1. Ни в одном из существующих учебников экономикс не прописаны ни методы определения степени редкости (ограниченности или дефицитности) ресурсов, ни, что наиболее важно, предлагаемые методы их распределения по сферам деятельности, отраслям, территориям и рыночным агентам.

2. В реальности практически невозможно отыскать человека, профессионально занимающегося деятельностью, целью которой было бы формирование решений по реализации целевых установок предмета «экономикс». Не готовят образовательные учреждения и специалистов названной профессии, что дает основание рассматривать предложения о предмете научного исследования экономикс как благое пожелание и не больше.

3. Приведенные выше определения предмета «Экономикс» могли иметь право на признание при условии существования дискретности хозяйственной практики и частой смены приоритетов общественного развития. При этих условиях в определенные моменты развития некие общественные институты могли бы дифференцировать имеющиеся ресурсы по степени их редкости или дефицитности, распределять их в соответствии с прогнозными оценками, «что, как и для кого производить». Пока же этими вопросами «никто и нигде» не занимается, хотя разговоры и ведутся.

Спору нет, любое определение, как и любое сравнение, — исключительно индивидуальная позиция автора. В данном конкретном случае определение предмета, как и спор между сторонниками политической экономии и экономикс, принципиально важен тем, что побу-

ждает исследователей оценить не только научную, но и практическую значимость сравниваемых подходов в ретроспективном плане. Как справедливо отметил М.И. Воейков [7, с. 66], этот спор «упирается в диверсификацию экономического знания, в специализацию отдельных экономических дисциплин». По его мнению (которое мы разделяем), «наука, которая изучает производительные силы (общественную технику), — это и есть экономикс. Она демонстрирует аналитический подход к изучению фундаментальных связей в экономике и объясняет „как это делается“, то есть дает аналитику, но не объясняет, „почему это делается“». В подтверждение предложенного приводится оценка известным советским политэкономом И.И. Рубиным рекомендаций математической школы: «Она не спрашивает, почему изменяется цена, но лишь показывает, как происходят параллельные изменения цены, с одной стороны, и спроса и предложения, с другой» [7]. Позиция М.И. Воейкова согласуется с нашей [41, с. 28] и сводится к следующему: «Политическая экономия и экономикс должны не замещать друг друга, а существовать вместе» [41], как существуют на основе разделения архитектурных и конкретно строительных функций архитекторы и строители.

Определение предмета науки, будь то политическая экономия или экономикс, — один из самых сложных вопросов, ответ на который следует искать прежде всего в процессе зарождения экономической науки и диалектического заполнения ее предметного пространства.

Исторические границы предметного пространства экономической науки

Общепризнанным фактом начала экономики принято считать работы Ксенофонта Афинского. Согласно литературным источникам, коэффициент цитирования написанного им «Домостроя» в современной экономической литературе один из самых высоких, хотя цитируется из этой работы лишь один его фрагмент — название сферы его исследования. Это происходит, по мнению многих исследователей, в том числе и потому, что именно название позволяет охарактеризовать уровень наших знаний о том периоде как о достаточно примитивной системе экономических связей, ограниченной опытом ведения примитивного в своей основе домашнего и натурального хозяйства [25, с. 20–22]. Этот «факт», с одной стороны, свидетельствует, что проблема «хозяйственного порядка» сформировалась

как потребность научного анализа и источника общественного развития задолго до формирования экономической науки в ее классическом понимании, с другой — подтверждает реальность того прогресса в развитии предметного пространства, который достигнут экономической наукой за два с половиной тысячелетия, от простых советов по увеличению богатства разумной организацией домашнего хозяйства до управления глобальной экономической системой всей земной цивилизации.

В «Трактате политической экономии» А. Монкретьен расширяет предмет экономической науки своими советами королю Людовику XIII о том, как управлять государственным имуществом в интересах процветания государства. Что касается названия работы — «Политическая экономия», — то оно, по оценкам самого автора, представляет собой пособие по «искусству государственного управления экономикой» и было использовано автором с определенной целью, чтобы убедительно показать историческую трансформацию научных взглядов на экономику как отрасль знания об управлении домашним хозяйством в теорию общественного хозяйства. Заметим, что представления об ограничении предмета экономики в период ее «легализации» были только набором советов по рациональному управлению частным хозяйством многими авторами подвергается обоснованному сомнению [44, с. 11].

В частности, в подтверждение своего сомнения С.А. Тимофеев ссылается на работу Платона «Государство», в которой устами Сократа излагается мысль о разграничении математики, астрономии и ряда других наук. Задолго до реального оформления в самостоятельное научное направление высшей математики Платон выделил в математике земную и небесную области. По его мнению, первая призвана заниматься счетом предметов и зримыми формами, тогда как для второй предметом исследования должны стать числа вне их связи с реальностью [44, с. 11]. Именно такой путь — от простого к сложному и от конкретного к абстрактному — вынуждены проходить все естественные науки. Да и экономика не стала исключением в сложившейся научной закономерности. Она также развивается в аналогичной последовательности, переходя от своего изначального примитивного домохозяйственного уровня к более высоким уровням экономического бытия, — управлению государственным имуществом, рекомендациям по процветанию государства, развитию внешней

торговли, созданию и распределению стоимости и т. д.

Другая версия начала политической экономии как теоретической основы экономического развития дается И.И. Рубиным: «Она началась с рассуждений и споров меркантилистов XVII в. о заработной плате, о прибыли, о ренте, т. е. она началась с вопросов, относящихся к распределению совокупной стоимости между различными общественными классами. Она отражала борьбу общественных классов за их позиции в данной системе производственных отношений людей. Она сложилась как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей, или производственных отношений людей» [32, с. 85]. По мнению М.И. Воейкова, начало политической экономии как теоретико-методологического базиса общественного развития И.И. Рубин основывает исключительно на работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [39]. Выделение труда как истинного начала и основы производственного и экономического процессов стало исходным рубежом политической экономии как науки и составляет неоспоримую заслугу классической школы политической экономии. Именно в труде, по оценке И.И. Рубина, «они нашли глубоко скрытую основу всех экономических явлений и свою теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии как науки социальной» [33, с. 280].

В литературе продолжают обсуждаться границы предметного пространства политической экономии и экономикс [7; 23, с. 39-46; 25; 26, с. 7-9; 27, с. 136; 35; 36, с. 22-48; 38; 40, с. 31-38; 41, с. 23-27; 43; и др.]. Предлагаются и обосновываются разные варианты предмета экономической науки и его границы. Наиболее распространенными и обсуждаемыми стали предложения по расширению предметного поля экономической науки последователями А. Маршалла в современных учебниках по экономикс: «Экономикс, — по мнению К.Р. Макконелла и С. Брю, — это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов» [18, с. 18]. П. Самуэльсон считает, что экономическая теория есть «наука о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества» [37,

с. 25]. Аналогичной позиции придерживается и ряд российских исследователей, считая, что по причине утраты «политического характера экономических исследований» и возрастающей «способности рынка к саморегулированию» предметное поле экономической науки смещается от исследования эксплуататорской сущности производственных отношений рыночной системы хозяйствования к исследованию поведения участников рыночных отношений по рациональному использованию ресурсов [3, с. 11; 23, с. 42, 43, 44-46 и др.].

И если согласиться с ранее высказанным предложением, что политическая экономия и экономикс по своей методологии и предметной направленности представляют собой разные направления экономической науки, то приведенные определения по сути формируют предмет экономикс, не расширяя и не ограничивая предметного поля политической экономии. Попытки исследовать и совершенствовать поведение участников рыночных процессов со стороны производительных сил — ресурсов, кадров, инвестиций, меняющейся динамики спроса и предложения и т. п. — могут и должны лишь приветствоваться. Как приветствуется «экономика природопользования», «экономика права» и др. Но экономикс не в состоянии из-за ограниченности своего предмета и принципиально иной методологии исследования претендовать на замену всего предметного поля политической экономии.

Предлагается, и не без основания, усилить в предметном пространстве политической экономии роль и значение «нематериального производства как воспроизводящего главный элемент наукоемкого производства... и воспроизводства человека как главного элемента наукоемкого производства» [38, с. 101]. Подобные предложения, по мнению многих авторов (Е.П. Дятел, В.В. Семенов и др.), органически вписываются в предметное поле политико-экономического исследования по двум направлениям.

1. Несмотря на различия предмета исследования, ряд объектов политической экономии и экономикс совпадают: «И та и другая анализируют процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...)» [4, с. 12]. Проблема же видится в том, что экономикс исследует все формы и особенности движения товаров с учетом их видовых и иных особенностей. И только их. Тогда как политическая экономия изучает и вырабатывает рекомендации по оптимизации отношений между людьми по поводу производства

и распределения воплощенной в товаре прибавочной стоимости, которые возникают в процессе движения всех товарных форм (услуг, работ, исследовательских проектов) от производителя до конечного потребителя. Объект исследования названных научных направлений одинаков, как и у большинства экономических наук, а вот предмет — исключительно индивидуален. Объектное «родство» сближает эти области знания и делает их взаимно дополняющими.

2. По справедливой оценке М.И. Воейкова, политико-экономические исследования направлены на всесторонний и глубокий анализ «социальных форм хозяйства и законов их возникновения и развития, на действительный процесс образования форм (*Gestaltungsprozess*) в различных его фазах». Этот генетический или диалектический метод, включающий в себя анализ и синтез, Маркс противопоставляет односторонне аналитическому методу классиков. Особенность этого генетического метода, по мнению И.И. Рубина (на которого ссылается М.И. Воейков), заключается «не только в историческом, но и его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства» [33, с. 41-42]. Заслугой автора следует считать и его объективную оценку активного использования представителями мейнстрима аналитического марксизма, особенно заметного в последние годы. По мнению многих авторов, аналитические разделы Марксовой теории Капитала, его теории воспроизводства и «самовозрастания капитала» вполне согласуются с основными постулатами современной экономической теории рыночного развития (мейнстрим) и не вызывают резкого отторжения [9, с. 4-5]. Параллельно с этими процессами, вторая сторона марксизма, занимающаяся изучением социальных форм производственных отношений, вскрытая К. Марксом и являющаяся величайшим его научным достижением, остается вне сферы интересов сторонников мейнстрима. Лишь с середины XX в. социальная сторона марксизма вызвала повышенный интерес политиков и науки при формировании моделей «общества всеобщего благоденствия».

Заслуживает внимания предложение о расширении предметного поля политической экономии включением в его сферу институтов, которые «находятся непосредственно в сфере экономики, в области ее общественно-производственных... отношений» и могут оцениваться как элементы экономического развития [48, с. 33]. По мнению В.Н. Черковца, двой-

ствена природа экономических институтов: с одной стороны, «надстроечные» по своей сути институты могут и по научной логике призваны выступать факторами, позитивно влияющими на социально-экономическое развитие, что не превращает их в «базисные отношения»; с другой — положительные результаты их регулирующего влияния на производственные и экономические отношения и процессы в целом позволяют рассматривать их в качестве активных участников социально-экономического развития, способных создавать и поддерживать наиболее благоприятную среду для устойчивого и социально ориентированного развития всех субъектов рыночных отношений.

Своеобразную версию уточнения и расширения предметного пространства теоретической (именно теоретической экономики, а не политической экономии или экономикс) предлагают авторы учебника для вузов «Основы теоретической экономики. Теория альтернативных хозяйственных систем» [25, с. 20-22]. По мнению авторов, определение предмета экономической теории должно соответствовать трем требованиям: а) это должна быть категория, охватывающая хозяйство как простое целое; б) она должна содержать в себе простейшее различие; в) эта категория должна в зародыше содержать в себе все дальнейшее развитие экономики как целостной системы. Таким простым целым, по версии Д.Ю. Миропольского, И.А. Максимцева и Л.С. Тарасевича, «охватывающим все экономическое всех времен и народов, является продукт. Соответственно, за пределами продукта ничего экономического нет. И что бы ни изучала экономическая теория, это все одно и то же — продукт» [25, с. 20]. Для того, чтобы «продукт» как синтезированный предмет теоретической экономики «сглаживал» противоречия между политической экономией и экономикс, предлагается в процессе изучения и исследования решать триединую задачу: изучать продукт в его отношении к самому себе; изучать отношение продукта к человеку; изучать отношение продукта к природе [25, с. 22].

При всем уважении к «продукту», как основе жизнедеятельности любого человеческого общества, его товарной форме как всеобщей форме продукта в условиях капиталистического способа их производства, при всех способах производства в основе «продуктовой жизнедеятельности» был и остается человеческий труд в разных его формах и качественных (полезностных) измерениях. Выделение А. Смитом из всей совокупности экономиче-

ских категорий именно труда как исходного начала и основы всей производственной и экономической деятельности ставится ему в заслугу всеми последующими теоретиками. Без своей трудовой (затратной) основы продукт может и на деле принимает разные формы, но он не может рассматриваться, оцениваться и вступать в рыночные отношения (тем более выступать в качестве предмета теоретической экономики) вне труда, затрачиваемого на его «добывание», производство и доведение до конечного потребителя.

Если следовать рассуждениям авторов о том, что только продукт является «простым целым, охватывающим все экономическое всех времен и народов», логично предположить, что и предметом других экономических дисциплин (отраслевых, экономики труда, социальной сферы, логистики и др.) должно стать движение продукта через все стадии воспроизводственного цикла: от производства, через обмен и распределение, к конечному потреблению. Предметная логика подобного рассуждения неизбежно подведет к признанию продукта предметом всех экономических наук, от теоретических до прикладных, что вряд ли будет содействовать их развитию. Нелишне, в связи с подобными предложениями, обратиться к мнению Д. Рикардо, который выразил свое несогласие с определением предмета политической экономии, предложенным Т. Мальтусом. «По вашему мнению, — писал Д. Рикардо, — политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; и думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании. Нельзя установить закона по отношению к количеству, продолжает он, но можно установить довольно правильный закон по отношению к пропорциям» [31, с. 620-621]. На наш взгляд, замечание одного из родоначальников политической экономии в части предметной характеристики науки побуждает нас более осторожно относиться к ее предметным границам.

Предмет политической экономии как теоретической науки

Подытоживая приведенные выше позиции отдельных авторов по предметным особенностям двух направлений экономической науки и предлагаемые рекомендации по расширению и уточнению предметного поля политической экономии, обратим внимание на три обстоятельства принципиального характера.

1. Кажущееся различие в определении предмета политической экономии Д. Рикардо и К. Маркса нельзя рассматривать как взаимоисключающее. Д. Рикардо определяет его как «исследование о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании». И это определение вполне объективно отражает реальные процессы научного исследования закономерностей мануфактурного периода, основанного на разделении ручного труда, и начала формирования промышленного периода, основанного на применении машин [21, с. 32] и в рамках которого завершалось формирование капиталистических производственных отношений переходом политической власти от аристократических земельных собственников к буржуазии.

К. Маркс считал предметом политической экономии «систему отношений между классом капиталистов (собственников средств производства) и наемными работниками», вынужденными для своего «существования» и «существования своей семьи» продавать капиталисту единственный товар, которым они обладают, — рабочую силу, то есть способность производить стоимость большую, чем за нее готов заплатить капиталист. Эти отношения К. Маркс исследовал, с одной стороны, как отношения эксплуатации, внешне представленные в виде несправедливого распределения вновь созданной стоимости между капиталистом и наемными работниками. С другой — отношения эксплуатации исследованы по всей цепочке воспроизводственного процесса: на стадиях производства, обмена, распределения и потребления товаров, с тем чтобы показать и доказать реальность эксплуатации всего рабочего класса на всех стадиях движения товара всем сообществом капиталистов. Всеобщий характер отношений эксплуатации как сложившаяся закономерность индустриальной стадии капиталистического способа производства обусловил и соответствующие закономерности не только в сфере производства, но и обмена, распределения и потребления.

Венцом общественного переустройства стало завоевание буржуазией политической власти во Франции и в Англии. С этого момента «классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и уродливые формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капи-

тала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [21, с. 17]. Именно в этот период и на этой почве произошло разделение политической экономии на два лагеря. «Одни, благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорские гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое» [21, с. 18].

2. Рядом авторов справедливо высказываются предложения по расширению и уточнению предметного поля политической экономии под воздействием меняющихся и трансформируемых процессов в производительных силах и общественных отношениях. Считается, что технико-экономические и технико-производственные отношения в большей степени относятся к наукам, в том числе экономикс, которые исследуют уровень и ресурсные возможности производительных сил общества и, главное, призваны обеспечивать постоянную и позитивную двухстороннюю связь с производственными отношениями. Это та группа отношений, через которые осуществляется своевременный «обмен информацией» о происходящих трансформационных изменениях в производительных силах и производственных отношениях для их согласованного использования в интересах развития. Изменения могут иметь инновационную, структурную, социальную, технико-технологическую и иную направленность, осуществляться в разных формах (кооперация, интеграция, аутсорсинг и др.) в интересах обеспечения постоянной «общественной комбинации процесса производства». По оценкам В.Н. Черковца, научно обоснованные комбинации технико-производственных и экономических отношений «способны создавать дополнительную производительную силу труда (синергетический эффект) и действовать как факторы его производительности» [48, с. 32].

Справедливости ради следует отметить, что отдельные авторы чрезмерно абсолютизируют эту взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями, считая ее расширением предметного поля политической экономии. По их мнению, «предметом политической экономии является диа-

лектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений», поскольку «вне производительных сил системно раскрыть производственные отношения проблематично, ибо они являются причиной их формирования» [14, с. 172]. В предложенном понимании «предмет политической экономии содержит источник развития экономики», которым «является великий фундаментальный закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Он обеспечивает прогрессивную смену экономических систем, ... благодаря чему осуществляется историческое развитие» [14].

Расширение предметного поля политической экономии, по утверждению Р.Т. Зяблюк, может осуществляться и осуществляется на деле по трем направлениям: «при крупных скачкообразных повышениях уровня производительных сил»; при повышении экономической активности государства, превращении его «в экономический субъект»; с превращением науки «в непосредственно производительную силу... и появлении третичного, четвертичного сектора экономики, сектора информационных технологий» [14, с. 173].

Очевидно, нет необходимости оспаривать необходимость при исследовании производственных отношений, прежде всего, оценивать их соответствие характеру и уровню развития производительных сил. В постоянном и сознательном поддержании этого соответствия на требуемом уровне, по оценке К. Маркса, заложен реальный источник устойчивого, сбалансированного и социально ориентированного общественного развития. И в этом плане предложения Р.Т. Зяблюк по расширению предметного поля политической экономии за счет «приграничных» сфер производственных отношений и производительных сил не вызывают возражений. Более того, в работах многих авторов (Л.И. Абалкин, В.В. Радаев и др.) обоснованы «соединительные скрепы» двух диалектически связанных подсистем общественного способа производства. В качестве такой скрепы традиционно рассматриваются организационно-экономические механизмы (отдельные авторы их рассматривают как социально-производственные отношения), призванные органично соединять производственные отношения с производительными силами и поддерживать их на требуемом для устойчивого развития уровне соответствия.

Развивая высказанные выше аргументы по расширению предметного поля политической экономии за счет «приграничных» сфер

взаимодействия производственных и технико-экономических отношений, В.В. Семенов справедливо относит к ее предмету и «приграничную» сферу экономических и государственно-правовых отношений. «Политическая экономия должна обосновывать, — по его мнению, — целесообразные формы эффективного применения государственных инструментов и методов вмешательства в экономику» [38, с. 102]. Развивая это мнение, Ф.Ф. Рыбаков, Д.Е. Сорокин вслед за Л.И. Абалкиным не без основания предлагают расширить предметное поле политической экономии включением экономической политики государства, поскольку именно политическая экономия наиболее концентрированно «отражает теоретические основы экономической политики» [35]. По мнению А.А. Гриценко, «политэкономия в ряду альтернативных направлений играет... весьма существенную роль. Она пытается в соответствии со своей исторической миссией дать ответы... на вопросы о сущности новых явлений и процессов» [10, с. 45] и возможных, добавим, последствий их влияния (позитивных или негативных) на динамику производственных отношений в их связи с производительными силами общества и государственно-правовой надстройкой. По этой причине обсуждается целый ряд узкопредметных форм (и «формочек») политической экономии: международная политическая экономия; политическая экономия развития; институциональная политическая экономия; экологическая политическая экономия; конституциональная политическая экономия; новая (в различных смыслах) политическая экономия; политическая экономия власти; политическая экономия счастья; политическая экономия устойчивого развития и т. д. и т. п.

3. Предметное поле политической экономии не может не включать исследование социального самочувствия наемных работников в обществе под воздействием меняющихся внешних и внутренних обстоятельств. Активное развитие рыночных отношений для формирования полноценного капиталистического способа производства с неизбежностью потребовало отказа от политической экономии как единственной отрасли науки, глубоко и системно исследующей производственные отношения и обусловленные ими те закономерности распределения вновь созданной стоимости, которые складываются между различными классами и социальными группами населения. По справедливой оценке М.И. Воейкова и А.И. Колганова, «в отказе от термина „поли-

тическая экономия” просматривается исключительно политический ход: пересмотреть все, что было раньше. Но глупо отказываться от старого только в угоду новому экстремизму» [13, с. 34].

Через изучение политической экономии гражданское общество не только осознает глубинные социально-экономические основы современного российского общества как эксплуататорского по своей природе, но и формирует основы своей гражданской позиции по отношению к государству и его политике. И это касается не только наемных рабочих частных компаний, малого и среднего бизнеса, но и государственных компаний, компаний с государственным участием и работников бюджетных сфер всех уровней властной вертикали (учителей, врачей, научных работников и других служащих, не относящихся к категории чиновников).

На одном из заседаний постоянно действующего научного семинара «Проект будущего для России. Пространство вероятного и приемлемого» его участники [30] постарались «объяснить» населению и убедить российское руководство в том, что без активной социальной политики, «без проявления особого внимания» к зонам социального «неприятия» населением, неопределенности и непоследовательности в регулировании и развитии социальной сферы ожидать «светлого будущего» российскому населению не приходится. И для подобного пессимизма имеются достаточно серьезные и требующие своего решения основания.

Во-первых, большинство специалистов в области обществоведения и социально-экономических основ общественного развития придерживаются единой позиции, что политическая экономия являлась и является по существу единственной наукой, которая исследует основы социально-экономической и общественно-политической структуры общества, их антагонистические классовые противоречия и на этой основе предлагает меры по их согласованию в интересах устойчивого развития. В российском обществе под влиянием специфических условий и особенностей исторического развития наиболее активными классовыми слоями выступают владельцы крупных капиталов («олигархи»); бюрократический класс; трудящийся класс [7, с. 61]. Именно социальный антагонизм между названными классами как системно определяющий конфликт в распределении социального продукта и становится предметом изучения политической экономии. Если этот конфликт нейтрализуется принятием общественного договора или разработ-

кой «социально компромиссного» механизма регулирующего воздействия государства на эти процессы, то исчезает и основа подобного конфликта, а значит сужается предметное поле политической экономии как теоретической науки, призванной в числе прочих проблем исследовать варианты «справедливого» распределения создаваемого в обществе валового внутреннего продукта.

Во-вторых, наиболее объективным критерием гармоничных взаимоотношений классов и социальных групп в обществе часто используют показатель производства ВВП на душу населения страны. Споры нет, этот показатель наиболее объективно отражает уровень экономического и, прежде всего, производственного развития страны, производительность труда работников, научно-технические и технологические возможности общества. Но отношения между классами, социальными группами общества наиболее точно отражает, на наш взгляд, показатель доли оплаты труда наемных работников в ВВП. Именно это соотношение позволяет судить, какая часть вновь созданной стоимости идет на заработную плату работников наемного труда, какая изымается через налоги государством на общественные нужды, используется собственниками на развитие производства и личное потребление. Подробной информации о названных пропорциях статистика не дает, да и в литературе авторские расчеты публикуются редко. Имеются расчеты, обосновывающие, что для гармоничного и устойчивого развития общества [40, с. 47-50] доля оплаты труда в ВВП должна составлять не менее 64 % [40, с. 48]. В Российской Федерации она составляет всего 45 %, в странах Евросоюза — 62–75 %, в Швеции и Финляндии — более 80 %, в США — около 80 %, в Японии — 74 %.

Заметно хуже, чем в развитых и даже развивающихся странах мира, в России и показатели расходов на содержание и развитие социальной сферы, свидетельствующие о «социальности» проводимой государством экономической политики. К примеру, доля инвестиций в ВВП России остается до сих пор значительно ниже, чем в других странах, и составляет всего 17 % при оптимальном по критерию устойчивости страны в 60 % [40, с. 48]. Доля бюджетных средств, используемых на поддержание экологически безопасного для здоровья населения состояния, при нормативе 3,45 % от расходной части бюджета не превышает 0,09 %, на образование 7,9 и 4,4 % соответственно, на культуру — 11,7 и 0,67 %, на здравоохранение — 12 и 3,8 %, на гражданскую науку — 8,9 и 5,6 %. На под-

держку АПК при нормативе, равном 12 % расходной части бюджета, выделяется всего 1,7 % [40, с. 49]. При этом отношение числа платных мест к бюджетным в образовательных учреждениях при нормативе 20 % превышает 163 %, не только покрывая расходы на получение образования, но и перераспределяя доходы в пользу «особо защищенной и организованной» группы дельцов от образования. Не менее коррупционной представляется и другая статья — «доля бюджета на социальную политику», при нормативе 3,0 % она составляет 27,8 %.

Приведенные оценки позволяют понять обеспокоенность российского населения, которое в своем большинстве называет существенные различия в доходах слишком большими (83 %), две трети наших сограждан считают сложившуюся систему распределения частной собственности в России несправедливой, и столько же убеждены, что не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию [2, с. 59]. При этом 54 % процента россиян считают, что последнее утверждение относится и к ним лично. Особенно негативно оценивают систему оплаты труда специалисты бюджетных сфер, не отнесенные к категории чиновников (воспитатели, учителя, медицинские работники, преподаватели вузов и колледжей, работники музеев, научные работники и др.).

В-третьих, как показывают данные проводимых исследований, в перечне наиболее волнующих российское население проблем именно «идея справедливости в наибольшей степени может играть роль консолидирующей идеи для российского общества» [28, с. 55]. Наиболее типичное определение справедливости видится в необходимости постоянного поддержания соответствия массового представления о должном в распределении валового общественного продукта существующей в обществе реальности. Справедливое общество, по оценкам многих исследователей, может существовать как в демократических обществах с преобладанием частной собственности и рыночного саморегулирования, так и в обществах, основанных на государственной собственности [50, с. 163-167].

Стремление к социальной справедливости в разной степени было и остается присущей большинству российского населения из разных социальных групп [28, с. 54-76; 30, с. 3-26 и др.]. Данные, полученные в процессе исследования разными исследовательскими центрами, согласуются в части оценки того, что современное российское общество устроено несправедливо. С этой оценкой было согласно почти 68 % рос-

сиян в 2007 г. и более 61 % в 2011–2012 гг. При этом 47 % российского населения убеждены, что «западное общество» организовано и обустроено более справедливо, чем российское. И лишь 16 % считает более справедливым устройство российского общества [28, с. 59-60]. Российское население волнуют чрезмерные различия в доходах (83 %), не соответствующая квалификации и затратам труда оплата их труда (54 %), чрезмерно завышенная и не соответствующая затратам труда и результатам работы оплата депутатов, чиновников разного уровня и менеджеров госкорпораций (65 %). И это при том, что существующее неравенство как «сдерживающий фактор консолидации общества и устойчивого его развития» с небольшими вариациями разделяют все слои российского населения независимо от уровня их жизни и динамики их личного благосостояния.

В-четвертых, у нынешнего российского государства «слишком дорогой и постоянно возрастающий по численности, нагрузке на бюджет и доходы населения аппарат чиновников. В 1985 г. в СССР (при плановой экономике, требовавшей дополнительных административных усилий) один чиновник приходился на 115 жителей, а в 2010 г. в российских органах власти было занято чиновников из расчета один на 58 жителей» [11, с. 1]. Аппарат за четверть века почти удвоился. Расходы на госуправление в 1985 г. составляли 0,8 % бюджета страны, а в 2010 г. — уже около 14 %... Вроде есть с кого и за что спрашивать! И действительно, есть за что спрашивать. Но либо вопросы остаются без ответов, либо полученные ответы ничего общего не имеют с заданным вопросом. В цитируемой статье приводятся расчеты специалистов британского журнала «The Economist» (2014, № 7), которые подсчитали, сколько капитализации хронически недобирает российский фондовый рынок из-за непродуманной политики властей. В результате оказалось, что российская экономика недополучает в год до одного триллиона долларов. Или, и это тоже подсчитали британские журналисты, по 7 тыс. долл. в пересчете на каждого жителя страны. Результат опубликовали, снабдив едкой припиской: «Плохие правительства обходятся инвесторам в целом состояние».

Математический расчет британцы проделали весьма просто, в рамках общеобразовательной программы. Акции российских публичных компаний самым возмутительным образом недооценены по сравнению с зарубежными аналогами: их средний показатель P/E — отношение капитализации к годо-

вой прибыли — установлен на уровне 5,2 при среднем его значении на развивающихся рынках — 12,5. Для расчета достаточно подсчитать, сколько будет стоить российский рынок при переходе на показатели развивающихся рынков, и уровень профессионализма чиновников будет оценен наиболее объективно.

Предметное поле политической экономии как научной основы общества и его способности к гармоничному и устойчивому развитию

не может быть раз и навсегда данным и «застывшим». Оно менялось и продолжает меняться под воздействием разных процессов, происходящих в обществе и его социально-экономической системе. Именно поэтому обязанность и долг каждого специалиста по экономической теории — с политэкономических позиций выявлять подобные изменения и информировать властные структуры и общественность о возможных последствиях.

Список источников

1. *Абалкин Л. И.* Взгляд в завтрашний день. — М.: Институт экономики РАН, 2005.
2. *Акаев А. А.* Выступление на Московском экономическом форуме // Мир перемен. — 2014. — №2. — С. 15-17.
3. *Анисимова Г. В.* Проблемы политической экономии. О научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке» // Вопросы экономики. — 2011. — №8. — С. 5-12.
4. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Открытость политэкономии и империализм mainstream'a. Economics как прошлое // Горизонты экономики. — 2012. — №2. — С. 4-17.
5. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности. От исследования содержания к апологии превратных форм // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 114-124.
6. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф, 2000. — 685 с.
7. *Воейков М. И.* Дискуссионные вопросы политической экономии // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 58-73.
8. *Гелбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. Избранное. — М.: Эксмо, 2008. — 1200 с. — (Антология экономической мысли).
9. Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии / Под ред. Л. Е. Ильичевой. — М.: Аналитик, 2012. — 328 с.
10. *Гриценко А. А.* Политическая экономия в ретроспективе и перспективе // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 44-57.
11. *Денисов Д.* Цифр перебор // Бизнес журнал. — 2014. — №8.
12. *Дятел Е. П.* Политическая экономия versus экономикс // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 74-84.
13. Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? Мат-лы научной конференции Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации / Под ред. М. И. Воейкова. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 208 с.
14. *Зяблюк Р. Т.* Востребованность политической экономии для решения современных проблем экономики // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 170-183.
15. История экономических учений. — М.: Инфра-М, 2010. — 879 с.
16. *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. — М.; Л.: Academia, 1935. — 326 с.
17. *Либман А. М.* Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? Материалы научной конференции // Журнал новой экономической ассоциации. — 2010. — №8. — С. 17-20.
18. *Макконнелл К. Р., Брю С. Л.* Экономикс : учебник; пер. с англ. — М.: Республика, 1993. — 565 с.
19. *Макконнелл К., Брю С.* Экономикс. — М.: Экономика, 1995. — 574 с.
20. *Мальцев А. А.* Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия. — Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2014. — 286 с.
21. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1., Кн. 1. Процесс производства капитала. — М.: Политиздат, 1973. — 907 с. — Т. 1.
22. *Маршалл А.* Основы экономической науки : пер. с англ. В. И. Бомкина, В. Т. Рысина, Р. И. Столлера // Антология экономической мысли. — М.: Эксмо, 2008. — 832 с.
23. *Матвеев В. Д., Железняк Т. И.* Политическая экономия и «Экономикс». Единство или антагонизм? // Экономическая наука современной России. — 2005. — №5. — С. 39-46.
24. *Милль Дж. С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. — М.: Эксмо, 2007. — 1027 с.
25. *Миропольский Д. Ю., Максимцев И. А., Тарасевич Л. С.* Основы теоретической экономики. Теория альтернативных хозяйственных систем : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. — СПб.: Питер, 2014. — 512 с.
26. *Некителов А. Д.* Кризис общей экономической теории. Вызовы политэкономии будущего // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 7-9.
27. *Николаева Е. Е.* Деформация распределительных отношений как актуальная проблема политической экономии // Журнал экономической теории. — 2013. — №2. — С. 135-144.
28. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.

29. *Примаков Е. М.* 2013. Тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов. Доклад на заседании «Меркурий клуба» // Российская газета. — 2014. — № 6 (15.01.2014). — С. 5.
30. Проект будущего для России. Пространство вероятного и приемлемого. Мат-лы постоянно действующего научного семинара. Вып. № 7. — М.: Научный эксперт, 2011. — 112 с.
31. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Избранное : пер. с англ. / Предисл. П. Н. Ключкина. — М.: Эксмо, 2008. — 960 с. — (Антология экономической мысли).
32. *Рубин И. И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 4. — С. 80-89.
33. *Рубин И. И.* Очерки по теории стоимости Маркса. — М. ; Л. : Госиздат, 1929. — 387 с.
34. *Рубинштейн А. Я.* Структура и эволюция социального интереса. — М.: ИСЕПРЕСС, 2002. — 260 с.
35. *Рыбаков Ф. Ф.* Политическая экономия — теоретическая основа экономической политики // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 149-155.
36. *Рязанов В. Т.* Политическая экономия особенного. Начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. — 2011. — № 5. — С. 22-48.
37. *Самуэльсон П.* Экономика / economics. — 5-е изд. — М.: Прогресс, 1964. — 746 с.
38. *Семенов В. В.* Развитие предметного пространства политической экономии // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 101-105.
39. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / Предисл. В. С. Афанасьева. — М.: Эксмо, 2009. — 960 с.
40. Стратегия России 2020. Особое мнение. Мат-лы круглого стола. — М.: Научный эксперт, 2011. — 120 с.
41. *Татаркин А. И.* Политическая экономия рынка. Трансформационные обновления // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 9-30.
42. *Татаркин А. И.* Регулирующий потенциал существующих моделей социально-экономического развития // Журнал экономической теории. — 2014. — № 2. — С. 7-20.
43. *Тикин В. С.* О современной теории «эксплуатации» // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 144-148.
44. *Тимофеев С. А.* Назначение экономики. Материалы для дискуссии / Отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. — 60 с.
45. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. — М. : Дело, 1993. — 658 с.
46. *Хубиев К. А.* Большой трансформационный цикл экономики России и императивы посткризисного развития // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 194-208.
47. *Цаголов Г. Н.* Почему все не так. — М.: Экономика, 2012. — 356 с.
48. *Черковец В. Н.* Политическая экономия как общеэкономическая теория и региональный аспект социально-экономического развития современной России // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 31-44.
49. *Milonakis D., Fine B.* From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory. London — New York.: Routledge, 2009. — P. 1-19.
50. *Rawls I.* A Theory of Justice. — Cambridge: Harvard University Press, 1971. — 386 с.
51. *Samuelson P. A., Nordhaus W. D.* Economics : 13-th ed. New York: McGraw Hill, 1989. 985 с.

УДК 330.101.541.001

Ключевые слова: экономическая теория, домоводство, политическая экономия, экономикс, объект экономической теории, предмет экономической теории, предметное поле экономической теории